

А.М. НИКУЛИН

НАРОДНИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ПОСТСОВЕТСКОГО НАРРАТИВА

*...Мироед, живущий на мирской... счет...
ходатай по мирским делам ...
горлан и коновод на сходках...
...мироедничать... коноводить в происках
и тяжбах, сводить счета с чиновниками.*

Толковый словарь
живого великорусского языка
Владимира Даля

Через реконструкцию биографии одного сельского респондента предпринято историко-социологическое сравнение современных сельских проблем и социальных типов с их дореволюционными народническими аналогами в ситуациях формальных и неформальных конфликтов, определяющих моральное и аморальное поведение членов местного сельского сообщества.

Ключевые слова: неформальная экономика, семейная экономика, сельская экономика, социально-экономическая дифференциация, народничество, кулак, местное самоуправление, историческая социология, рефлексивность, качественные методы исследования.

На основе анализа интервью одного сельского респондента, а также наблюдений за его поведением и поведением окружающего его местного сообщества в ситуациях формального и неформального конфликта, легального и нелегального, морального и аморального порядка повседневности ставится вопрос о возможности

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. **Адрес:** 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82. **Телефон:** (495) 434–72–82. **Электронная почта:** harmina@yandex.ru

Данная статья написана по материалам социологического исследования «Парадоксы социально-экономической дифференциации и местное самоуправление», поддержанного Фондом Розы Люксембург.

исторических аналогий современных сельских проблем и социальных типов с пореформенными дореволюционными проблемами и социальными типами [2, 3].

Представленный эмпирический материал анализируется качественными методами [11, 14], так как находящуюся в основе рассматриваемого социального конфликта проблему сельского ростовщичества и нелегальной продажи алкоголя трудно исследовать количественными методами из-за закрытости, порой табуированности количественных характеристик данных социальных явлений [5].

Индивидуальная рефлексивность респондента, коллективная рефлексивность сообщества реконструируются через рефлексивность самого исследователя [9].

Аналитическое изложение этого постсоветского нарратива [10] стилизовано под народнический очерк столетней давности, по канонам которого занимательный сюжет социологического наблюдения акцентируется вопросами морально-бытового характера [1].

Имя респондента, а также название села, в котором он проживает, изменены.

Кулак и «мироед»

История в России имеет свойство повторяться в социальных типах и отношениях с впечатляющей похожестью, при этом всякий раз обнаруживая новые парадоксальные черты в своих повторных социальных сюжетах. Кто у нас не знает слова «кулак» — символ зажиточного деревенского мужика? Со времен народнической социологии и литературы через советскую политику и экономику до нас дошли многочисленные драматические истории кулаков — богатых сельских мужиков, в которых, как правило, левые русские публицисты видели паразитов-«мироедов» русской деревни, а правые — зачатки деревенского роста и процветания. Впрочем, это полярное противопоставление карикатурно огрубляет проблему. Считалось, что кардинально ее разрешил великий перелом слева, когда от имени борьбы с кулачеством сталинисты выкорчевывали любые проявления индивидуального достатка и самостоятельного мышления в советской деревне.

В свое время проникательные и ответственные исследователи дифференциации сельской жизни, как, например, Ф. Щербина [16] и А. Чайнов [12], анализируя хозяйство зажиточного мужика, прежде всего, обращали внимание на истоки, корни семейного богатства. Здесь-то в истории кулака, как правило, и обнаруживалась политэкономическая повесть о двух капиталах — производительном (семейно-трудовом) и паразитическом (спекулятивно-ростовщическом). То есть причиной деревенской зажиточности мог быть как дружный и умелый труд большой крестьянской семьи, так и торгово-ростовщический бизнес отдельных представителей деревенской среды. Порой труд производительный и

ростовщический могли самым драматическим образом переплетаться в одном и том же семейном хозяйстве. И в таких случаях все та же народническая литература обнаруживала глубоко противоречивые, трагически многоликие образы работающих и эксплуатирующих, совесть которых и бессовестных деревенских кулаков на фоне конфликтов окружающей жизни.

В постсоветское время, с его частой официальной идеологической ностальгией по трудовому столыпинскому кулачеству и надеждой на предприимчивое фермерство, как-то мало внимания уделяется изучению того самого торгово-ростовщического лица зажиточного деревенского жителя, которое и привнесло негативный оттенок в образ кулака. Конечно, истории спекулянтов-ростовщиков стары как мир и сегодня, в связи с экономическим кризисом, популярны как никогда. Но изменились масштабы спекуляции: в центре общественного внимания оказались проделки банков и олигархов, а на такие пустяки, как возрождение потаенного микромира современных кулаков-ростовщиков русской деревни, кажется, не следует вообще обращать внимания.

Тем не менее, один характерный случай из сельской жизни мне бы хотелось рассказать, потому что он, с одной стороны, чем-то напоминает истории про трагически многоликого кулака, описанные еще Н. Златовратским [4], Г. и Н. Успенскими [6, 7], А. Энгельгартом [17], даже А. Чеховым [13]; с другой стороны, в нем присутствуют и сохранившиеся социальные феномены советского прошлого, и только еще закипающие новые социальные страсти постсоветской деревни.

Оговорюсь, что я рассматриваю особый случай так называемого кулака-«мироеда». «Мироед» в русской деревне являл собой своеобразный тип «публичного» кулака. Это был, как правило, зажиточный сельчанин, который принимал активное участие в местной жизни: критиковал окружающие порядки на сельских сходах, вел тяжбы с чиновничеством, мог угощать общество на свой счет. И все же общество, понимая, что «мироед» исполняет некоторую публично-театральную функцию, временами необходимую, его недолюбливало, полагая, что резонерствует он на собраниях и угощает односельчан не просто из справедливости и от доброты душевной, но исходя из собственных амбиций, тщеславия, опасных для окружающих.

Текст мой основан в значительной степени на анализе интервью с одним современным сельским респондентом — «мироедом», а также описании и анализе окружающей его деревенской действительности, местного общественного мнения.

Село и депутат

Уральское село Агеевка, расположенное в лесистой котловине холмов, с численностью населения чуть меньше тысячи жителей, где

в последние несколько лет мне пришлось заниматься полевыми исследованиями и где среди нескольких колоритных социальных типов я обнаружил и ростовщика-«мироеда», конечно, кардинально отличается от русских деревень 120-летней давности, о которых писали народники. Они описывали по преимуществу бедных, неграмотных крестьян, составляющих подавляющее большинство обитателей деревни, среди которых, однако, встречались и зажиточные, сметливые по причине особых трудовых, ростовщических и публичных талантов. Сейчас в Агеевке, несмотря на наследие постсоветской депрессии 1990-х годов, сохраняются и даже развиваются основы культурной жизни, заложенные в советский период. В селе сохранилось крупное аграрное предприятие (бывший колхоз), недавно капитально отремонтированы школа, детский сад и больница, функционирует клуб, открыт краеведческий музей, имеется несколько продуктовых магазинчиков, вырыто несколько прудов для отдыха и ловли рыбы. Не стоит, впрочем, идеализировать эти социально-экономические характеристики: в Агеевке нет газа — долгими и снежными уральскими зимами печки здесь топят дровами; деревенский водопровод откровенно не работает; местные дороги — тоже; существуют серьезные проблемы с трудовой занятостью. Основной работодатель — бывший колхоз — функционирует с серьезными затруднениями, порой до полугода задерживая выплаты зарплат, суммы которых в среднем за последние годы не превышали 6000 рублей. Поэтому наиболее активное население уходит за более высокими заработками и лучшими условиями жизни в города. Особенно болезнен массовый исход молодежи: демографически Агеевка стареет, профессионально — теряет кадры.

О текущих социально-экономических проблемах Агеевки мне довелось года два назад беседовать с местными депутатами сельской администрации. Две женщины и двое мужчин, из которых двое были учителями, одна бухгалтер и один местный предприниматель, достаточно откровенно обсуждали агеевские социальные противоречия, особенно активно — предприниматель, критиковавший часто и страстно окружающую действительность. Федор Петрович, мужчина лет под пятьдесят, молодежавый, с правильными, почти изящными чертами лица и рыжими усиками (такой типаж русских казачков любили изображать на лубках) прямо изобличал окружающий социальный порядок по целому ряду экономических и идеологических пунктов. В его критике содержался и основательный исторический подход — он часто сравнивал современное положение дел с советскими и досоветскими временами. Он развивал с колоритными примерами критический анализ распространения неформальных, теневых отношений в современной деревне. Но главное, он ставил вопросы о сущности самого социального порядка, значении для него идеологии, роли государства и общества в его формировании.

Его страстные длинные речи о неформальной экономике и социальном порядке представляют несомненную ценность, и я воспроизвожу их здесь с небольшими сокращениями:

Я сам как бы можно сказать, что частный предприниматель... И решил я по договорам работать сначала... а сейчас так-то сам по себе работаю. Извоз машин, автомобилей. У меня легковая и «газель». Я сначала был официально оформлен как предприниматель. А налоговая база из года в год все повышалась и повышалась. Я раз попытался объяснить в налоговой — не получается, второй — не получается. Ну все, говорю — закрывайте. Раз мы не находим консенсус по налогам, закрывайте мое автотранспортное предприятие. Я к хозяйке (жене моей) в ее магазин устроюсь. Она минимум мне будет начислять зарплату, с этого налоги за меня заплатит, а остальное я заработаю сам... Я каждый день в рейсе, а налоги платятся только за то, что по магазину проходит. А кого обманываем? Себя обманываем! Государство здесь не прорабатывает систему.

А жизнь-то вокруг — все своровать в колхозе! Не в этом, так в другом колхозе. Что греха таить: я как водитель на «газельке» того же товарища уважу, который личное подсобное хозяйство имеет. А где он берет корма? Он берет в соседнем хозяйстве. Я ему корма вожу — он мне платит за то. Я без регистрации транспорт использую — он приобретает, минуя кассу колхоза. Только так он и проживает. А у другого нет таких возможностей... Заведи сегодня честным путем две коровы — не проживешь с ними честно. А нечестно — да. Назовите мне фермера, который честно живет и пытается получить прибыль, — не назовете. Все живут за счет тех колхозов, которые рядом...

Есть у нас еще такие бригады строительно-стихийные. Кому-то сруб, кому-то баньку срубят, но они все не оформляются предпринимателями, все нелегально, они добровольно не показывают свои доходы, а мы, депутаты, молчим — их не вскрываем. Потому что живем рядом, с соседом ссориться неохота, если друг друга будем закладывать — только один скандал. Вот если бы был человек, наделенный государственными полномочиями, как инспектор налоговой? ... А то я как посторонний местный житель приду и скажу: «Ты рубишь баню — давай мне в бюджет столько-то денег». Он ответит: «Ты ненормальный, ко мне привязался...». Может, и откупится чем от меня, а скорее всего по башке мне даст. Поэтому, если бы был со стороны государства человек, наделенный функциями на данной территории, он знал бы все тонкости ухода денег из кассы государственной, — было бы проще, мы бы на него не обижались как на человека, который нас закладывает. Это его хлеб.

Идеология другая стала... Раньше я работал главным инженером в колхозе... У нас была уравниловка, но мы не обижались друг на друга и считали, что это норма. И люди шли на работу — у них другое отношение к работе было. Человек испытывал влияние государства на себе гораздо ошутимее. И не то что сейчас — пособие нарисуют кому-то 200 рублей — социальная помощь, и не видно его, а тут конкретно — квартиры строили. Дом культуры, вот этот садик — это все строил колхоз за свои деньги. А теперь ни шефской помощи, ни государственной помощи —

никакой помощи. И получается, жилья не строим, молодежь не трудоустроиваем — ничего не делаем. ...А тогда была идеология. Там сверху давили... бывало, председателя колхоза до инфаркта доведут. А сейчас такого нет: пожалуйста, нет дороги — ну и нет, ну и чё... Никого не волнует, никак не договоришься.

Нет, все связано с идеологией: раньше была такая направленность во всем. Если работник школы не вышел в клуб и не прочитал там лекцию, концерт не организовал, это считалось уже ЧП. А сейчас учителя вытаскивать в село невозможно. Сейчас райкома партии нет, и никто не говорит, что учитель обязан. А была какая связь: учитель — на ферме, медик — в бригаде. Это стабильно все было.

Вот вроде сейчас ребенка нельзя затронуть — конвенция защиты детей, прочее. Не дай Бог я где-то родителей попозорил, покритиковал их за ребенка... Раньше, когда все эти мероприятия воспитывали, все знали, кто что делает и как учиться, ни один ученик не повесился... Раньше, когда колхоз и школа жили единым сообществом, никто в петлю не лез. Все понимали правильно, что мог сосед повоспитывать соседку за то, что у нее ученик — ярый двоечник или еще что-то. А теперь все прячут под видом, что человека нельзя обижать или еще что-нибудь. Сейчас жить стали обособленно. Да еще буржуи появились... Норма теперь единственная — нам дали свободу в зарплате, то есть хочешь — зарабатывать, не умеешь — умирай.

Если у меня отец и дед ходил за сохой, он знал, что, кроме него, эту соху никто таскать не будет; он шел, он лошадь держал, он работал. А меня (семьдесят лет прошло) за соху-то не поставить. Во-первых, мне это не престижно, а во-вторых, я найду себе другой способ заработать денег. А другой не может найти эти способы — он будет вино пить, и все. Самогон раньше на праздники гнали, а теперь гонят на бизнес. А на бизнес его гонят больше, чем на праздник. Еще сейчас спирт государственный. Он не пищевой. Но он все равно спирт. Его откуда берут — по линии государства, с промышленных предприятий, он уходит оттуда, а как — якобы неизвестно. Вот им и питаются. Водки в магазине, может, меньше продается, чем спирта продается. Просто каждый уважающий человек сам решает, что ему пить. А если не на чего пить, конечно, пьют спирт. Хотя травятся одинаково — что водкой травятся, что спиртом травятся. За водку нет ответственности, и за качество спирта нет ответственности.

Раньше у нас с контролем пьянства как-то было проще. Когда я работал главой администрации в начале девяностых, была комиссия своя административная. Допустим, вечером я пришел в клуб, вечером там пьяный. Я могу составлять протокол... он получал какой-то штраф... человек ощущал, что его реально наказали, и он знает, за что. А сейчас, просто чтобы наказать пьяного в клубе, надо вызвать участкового, потому что ни я, ни директор клуба не имеем права составлять протокол. Участковый отправит его в район, в район этот нарушитель не поедет. А за ним «уазик» никто не пошлет, и пролетает все время, и нарушитель остается при своем интересе. И в бюджет района не поступает этот штраф, и нарушитель не понял, что он совершил. А денег можно много было бы получить сюда, в местный бюджет...

Здесь обращает на себя внимание призыв Федора Петровича опереться на некоторые социальные нормы, которые бы разделяли и уважали все окружающие. По его мнению, в стародавние времена такие нормы строились в опоре на соху, в советские времена — в опоре на союз колхозного общества и государственной машины. Но на какие нормы можно сейчас опереться в деревенском обществе? На нормы налоговой инспекции российской рыночной экономики?! Но они несовершенно, что убедительно показал Федор Петрович, а главное, и не собираются регулировать всю жизнь сельского социума в его экономических, социальных и культурных сферах. А государство, местная власть, колхоз — все они, по Федору Петровичу, нормативно ослабли, в результате чего повсюду поляризуются беспредельный эгоизм буржуев и апатия бедняков.

По окончании беседы с депутатами, узнав, что Федор Петрович — страстный краевед, я обратился к нему с просьбой поговорить об истории и современности Агеевки. Он согласился и в тот же самый день пригласил меня в гости, чтобы показать мне коллекцию материалов по истории родного края.

Село и краевед

Дом Федора Петровича представлял собой обширное добротное строение позднесоветских времен, возведенное из силикатного кирпича, с четырьмя окнами на улицу. Пройдя мимо собаки на цепи, я постучал в дверь. Хозяин обеспокоенно сообщил, что по двору, оказывается, было идти опасно, так как собака действительно злая. В просторной гостиной мы более часа рассматривали генеалогические схемы рода Федора Петровича, а также альбомы с фотографиями и старыми газетными вырезками по истории деревни. Во всех материалах — что о семье, что о местной школе, церкви, селе и окружающих деревнях — была видна склонность автора к схематичности и методичности.

Для начала Федор Петрович кратко охарактеризовал свой род, который происходил из близлежащей к Агеевке деревни Чурым. Он упомянул, что рос в большой семье, отец его был строг, но справедлив, а умирая, специально позвал к себе именно сына Федора — любителя истории, чтобы тот со слов отца записал историю их семьи. Впоследствии сын сверял по архивным материалам рассказ отца — фактически все совпало. Федор Петрович, выучившись в Перми на инженера, вернулся в Агеевку, работал в колхозе, женился, родилось у них в семье двое детей. Он дослужился в колхозе до главного инженера. Жена его умерла в молодом возрасте, и он сошелся-поженился с женщиной-бухгалтером, у которой также было двое детей. Он стал председателем сельсовета, и тут СССР развалился. На посту председателя Федор Петрович старался укреплять порядок и

открыл краеведческий музей при школе. К концу девяностых они с женой решили заняться бизнесом — открыли магазин, он занимался извозом. Через несколько лет умер сын, студент-пятикурсник юридического факультета, — повесился по неизвестным причинам.

Федор Петрович перешел к рассказу об истории Агеевки и окружающих ее малых деревень, иллюстрируя его фотографиями. Показал земскую схему-план Агеевской волости. Народу тогда жило здесь в два с половиной раза больше, чем сейчас. Перешел к событиям гражданской войны: в 1919 году в Агеевке попеременно стояли то красные Блюхера, то белые Колчака. На одной из фотографий запечатлено, как перезахоранивают останки красных бойцов, вырытых из могил белоказаками, захватившими Агеевку, а затем оставившими ее. Потом Федор Петрович подробно и с фотографиями повествовал о советском периоде жизни села: первые трактора и колхозы, село во время войны, послевоенная жизнь, закрытая церковь, уничтоженная пожаром из-за бесхозяйственности, построенный на ее месте клуб, памятные места Агеевки... Завершил свой исторический рассказ Федор Петрович возвращением на свою малую родину, в Чурым, где сорок лет назад было около пятидесяти дворов, а сейчас осталось пять старых домов.

«Вот это очень хорошая фотография», — сказал Федор Петрович: на черно-белой карточке 1964 года по межсезонной грязи лесной дороги шли в сапогах и плащах несколько мужчин в фуражках и женщины в платках, с чемоданчиками и портфелями:

— Это учителя вместе с директором из агеевской школы идут к нам в Чурым родительское собрание проводить за пять километров... А сейчас кто из учителей или фельдшеров пойдет к населению? У фельдшера больной тут будет за сто метров, а она к нему до тех пор не пойдет, пока машину за ней не пришлют... Чурым стоит на замечательной речке Чурым, в ней мы школьниками раков много ловили, потом с химизацией сельского хозяйства потравили все, конечно. Раки живут в очень чистой воде...

Федор Петрович замолчал, углубившись в чурымские воспоминания.

— Может, снова раки вернулись? — сказал я, чтобы прервать затянувшуюся тишину

— Не знаю, детство кончилось... — отвечал рассеянно краевед.

Тут появилась в гостиную женщина, еще более худощавая, чем Федор Петрович. Я догадался, что это его жена. Женщина с пристальной недоброежелательностью уставилась на меня. Я тут же сообщил, что я социолог и достал хозяевам в подарок шоколад — наше дежурное социологическое угощение для сельских респондентов. Значение слова «социолог», женщина, кажется, не поняла, но при виде шоколада просветлела лицом и так растроганно, благодарно улыбнулась, как будто

я принес не шоколад, а громадную коробку конфет или большой торт. Не говоря ни слова, она проследовала в другую комнату.

«Моя жена, — сообщил Федор Петрович, — очень не любит моих занятий краеведением. Поначалу даже устраивала драки и рвала мои записи в тетрадях — сейчас ничего, привыкла».

«Мне кажется, она приняла меня за кого-то другого», — сказал я. «Возможно, — уклончиво ответил Федор Петрович, — спасибо за шоколад». Я стал собираться. Хозяин провожал меня, контролируя во дворе злую собаку, до калитки. Около нее на лавочке сидел в испуганно покорной позе грязный, заросший человек в изношенной одежде, должно быть, местный алкоголик.

«Обожди, — тихо сказал ему Федор Петрович и обратился ко мне. — Ну что, места у нас красивые, холмы лесные повсюду. Вот там, — Федор Петрович указал на вершину ближайшего к его дому холма, — я придумал построить беседку. Мне ее местные алкаши быстро затащили и собрали вон там, вон, видишь, к ней тропинка ведет. Там хорошо посидеть, сверху всю деревню видно. Хорошо там о жизни говорить. В следующий раз, когда в гости придешь, мы с тобой обязательно туда поднимемся, посидим. Правда, и комарья там много бывает».

Я поблагодарил хозяина за его краеведческие истории, подтвердив, что мне было бы интересно побывать в беседке. На том мы расстались. Уходя, я услышал, как пьяница обратился к хозяину с просьбой о выпивке.

На следующий день мне предстояло уезжать из Агеевки. Федора Петровича я тогда больше не увидел. Не удалось мне с ним встретиться и два года спустя, этой зимой, когда, оказавшись с новым социологическим исследованием в пермских краях, я заехал в Агеевку на несколько дней, чтобы потолковать об изменениях двух прошедших лет.

Село и «мироед»

Деревенская жизнь течет медленно, без особых эпохальных событий. В Агеевке, пожалуй, главным событием последнего времени стало проведение в 2010 году газопровода по краевой региональной программе. Кроме газа, поминался текущий экономический кризис, причем не только отрицательно, но и положительно, потому что из-за сокращения рабочих мест и зарплат в Перми в агеевский колхоз вернулось несколько хороших специалистов.

Наметив встречи с некоторыми агеевскими жителями, я хотел вновь увидеть предпринимателя-депутата-краеведа Федора Петровича. Но оказалось, он как раз в это время был в разъездах на своей «газели», плотно занимаясь все тем же неформальным извозом. Впрочем, мне сообщили, что Федор Петрович уже не депутат: общество

попросило его не выставлять свою кандидатуру на выборы, и он согласился. Из разрозненных высказываний агеевцев о Федоре Петровиче у меня сложилась существенно иная картина его жизни. Действительно, с советских времен он был одним из уважаемых жителей Агеевки. С должности инженера выдвигали его на пост председателя хозяйства, но он недобрал голосов, потому что некоторые критики твердили, что он жестковат, а на посту председателя хозяйства надо уметь и людей жалеть. Впрочем, как о главе сельсовета о нем в целом отзывались хорошо, подчеркивая, что в трудные 1990-е годы он, как мог, старался, следил за порядком и благоустройством и даже умудрился в бывшем еще земском здании школы открыть музей.

По мнению многих, судьба Федора Петровича и отношение к нему агеевцев переменялись после того, как он в середине 1990-х годов вместе с женой открыл магазин и стал предпринимателем. Нет, сама по себе торговля в магазине и извоз, пусть даже неформальный, ничего предосудительного в агеевском обществе не означают. Но в семейном бизнесе Федора Петровича вскоре появилась важная нелегальная статья доходов — торговля спиртом. Такая торговля ориентирована прежде всего на бедных и сильно пьющих мужчин. Тот пьяница, которого я встретил у двора Федора Петровича, был не случайным попрошайкой. Федор Петрович в последние годы словно специально продажей дешевого льготного спирта на дому собирал вокруг себя местных алкашей. Сам непьющий, он в свободное от извоза время любит посидеть, окруженный спившимися агеевцами, сочувственно слушая их речи о том, какая вокруг несправедливая настала жизнь, сам сетуя на то, какая повсюду царит людоедская идеология. Критикуя экономический эгоизм на словах, на деле Федор Петрович с женой стали для агеевцев символами жадных, скаредных людей, только и думающих о деньгах.

Трагедия — самоубийство сына — стала для многих агеевцев зримым подтверждением того, что Федор Петрович сбился с добропорядочного пути. Все хорошо знали и любили Ваню, сына Федора Петровича, по воспоминаниям многих, добродушного и застенчивого юношу. Не без влияния отца, любителя правовых норм эффективных идеологий, сын поступил в Перми на юридический факультет. Учился неплохо, но к пятому курсу, кажется, разочаровался в выбранной специальности, а, главное, стал пить, и, как говорили, попивал тот самый спирт, который в больших количествах хранился в доме родителей. Достоверно неизвестны причины гибели Вани, но молва упорно твердит, что у сына перед смертью были конфликты с отцом, который резко и жестко пытался ограничить его в спиртном и деньгах. Смерть Вани, повесившегося в доме родителей, потрясла Агеевку. Еще бóльшим шоком для общества прозвучали калькуляционные размышления у гроба Вани его отца: «Две девчонки вчера в магазин

приходили, брали в долг две бутылки пива, а ведь деньги так, кажется, за пиво не вернули».

Одни, слышавшие это, говорили, что Федор Петрович окончательно «подвинулся» на деньгах, другие — что это он с горя, стараясь держать себя в руках, вел вопреки всему магазинный бизнес.

А недавно Федор Петрович решил еще более диверсифицировать свое хозяйство — занялся ростовщичеством, давая деньги в долг бедным, одиноким и пожилым жителям Агеевки. Он недаром в своих рассуждениях подчеркивал значение соседских отношений в деревне. Ни про нелегальный извоз, ни про нелегальную торговлю спиртом, ни, наконец, про неформальное ростовщичество никто из агеевцев в формальные инстанции не сообщил и сообщать не собирается. Но все же год назад на очередной срок Федора Петровича в депутаты выдвигать не стали. Вокруг него выросла полоса общественного отчуждения. Агеевцы упоминают, что спорить с Федором Петровичем нелегко, подобно шукшинскому софисту, он готов срезать любого в диспуте об идеологии [15, с. 22–27], подобно чеховскому унтеру, пришибает оппонентов требованием наведения порядка [13, с. 114–121]. Одно время Федору Петровичу от муниципалитета предлагали создать в Агеевке собственное частное предприятие жилищно-коммунального хозяйства, чтобы его талант инженера и предпринимателя пошел на благо обществу. Но Федор Петрович убедительно доказал местной администрации, что заниматься водопроводом по нынешним безыдейным временам есть занятие хлопотное, нерентабельное. И от него отстали.

Вернемся к нашему изначальному вопросу: насколько возможно применять термин столетней давности «кулак-мирод» к современным сельским реалиям России? Николай Успенский, писатель-народник, менее известный, чем его двоюродный брат Глеб Успенский, но отнюдь не менее даровитый, еще в 1866 году написал повесть «Федор Петрович» о держателе трактира на большой дороге, на словах твердо нравственном, в делах демонстративно прямом, который скрытым образом манипулировал хозяйственными слабостями окружающих, тем самым умножая свое богатство [7, с. 102–130]. Успенский не называл своего героя кулаком (в 1860-е годы этот термин еще не вошел в моду), но чутко заметил, как в пореформенной сельской России возникает новый социальный тип, демонстративно трудовой и скрытно паразитический.

Федоры Петровичи нашего времени, эти формальные хозяева магазинчиков и автофургончиков и неформальные торговцы нелегальным спиртом — довольно обширный слой сельских предпринимателей, как правило, неплохо образованных и профессионально подготовленных. Не все из них так пронзительно витийствуют об упадке нравственности, как Федор Петрович из Агеевки, большинство без особой публичной рефлексии делает свой бизнес. Но сообщества сел

и малых городов России, в громадной степени втянутые в отношения неформальной экономики, занимаясь полуправильным отходом на сторону, рубкой банек, выращиванием скотины на сворованных из колхоза кормах, тем не менее, имеют собственные представления о границах, за которыми неформальная трудовая занятость перерастает в занятость неформально паразитическую [2, 8]. Сообщества не любят Федоров Петровицей (вопрос, подходят они под определение «кулаков-мироедов» или нет, оставим открытым), но как в пореформенной, так и в постсоветской России по-соседски терпимо наблюдают, как они преумножают свои личные капиталы в связи с истощением общественных идеологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабашкин В.В.* О некоторых особенностях социального поведения крестьян: историк и художественная литература // Пути России: культура, общество, человек. Международный симпозиум 25–26 января 2008 г. М., 2008.
2. *Виноградский В.Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2009.
3. *Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е.М. Ковалев.* М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. *Златовратский Н.Н.* Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки. М.: Современник, 1988.
5. *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009.
6. *Успенский Г.И.* Сочинения и письма. М., 1929.
7. *Успенский Н.В.* Издалека и вблизи: Избранные повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1986.
8. *Пищикова Е.* Сельский мир. Деревенское самоуправление: искусственное и естественное [online]. Дата обращения к документу: 03.02.2011. URL: <<http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=670>>.
9. *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова.* М.: РОССПЭН, 2002.
10. *Троцук И.В.* Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: РУДН, 2006.
11. *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2007. № 4.
12. *Чаянов А.В.* О бюджетных исследованиях. М.: Тончу, 2006.
13. *Чехов А.П.* Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1934. С. 114–127.
14. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев А., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009.
15. *Шукишин В.М.* Срезал // Характеристики: Рассказы. М.: Современник, 1973. С. 22–27.
16. *Щербина Ф.А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.
17. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956.